

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ СКРЫЛЬНИКОВ

**ПАТРИОТ
ЗЕМНОГО ШАРА**

Михаил Скрыльников
Патриот Земного Шара

«Издательские решения»

Скрыльников М. Ю.

Патриот Земного Шара / М. Ю. Скрыльников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745601-6

Настоящие стихи. Поиск смысла, ответы на сложные вопросы. Искренняя поэтическая исповедь автора. И юмор на страже разума.

ISBN 978-5-44-745601-6

© Скрыльников М. Ю.
© Издательские решения

Содержание

«Моё брненное тело, жгущее газ...»	7
«Стихи должны писаться по старинке...»	9
Жан Габен	10
Любимым кинокомпозиторам	11
Эннио Морриконе	12
«Холмы разбросаны, как шторм девятибальный...»	13
Прибрежная полоса	14
Сиртаки	15
Море	16
Этюд	17
Утро дикого пляжа	18
Поезд на Коми	19
Рождество 2013	20
«Что за этим следует? Что дальше?..»	21
В День Рождения Андрея Вознесенского	22
Бородино XX век	23
Фиолент	27
День Космонавтики	28
«Море тёмно-зелёное. Ветерок. Волнение...»	29
«В кафе подают шоколадную лаву...»	30
Памятник Затопленным Кораблям	31
Севастополь и Сатурн	32
От причала до причала	33
«Крупницы счастья...»	35
Севастополь – мой материк	36
«Вы так красиво и воздушно...»	37
«В морпорту суда стоят...»	38
Памятник Екатерине II	39
На Набережной	40
Шторм ночью	41
Собор	42
Графская пристань	43
Севастопольский Аквариум	44
Театр им. Луначарского	46
Слизни сталинизма	47
Херсонес	48
Шторм сентябрьским днём в песчаной бухте	49
Электронный поэт	50
Памятник матросу Кошке	51
Дождь на море	52
Бывшим кинотеатрам Севастополя посвящается	53
Матросский Клуб	54
Памятник Ушакову	55
Пастернак. Переделкино	56
«Мне нравится, что снег идёт...»	58
«Ах, какой был день вчера! Какой был день!...»	59

«Я любил сливаться с ландшафтом...»	61
Рождество 2014	62
Омега Жизни	63
«Есть бухта особого для меня значения...»	64
Памятник Сенявину	66
Довоенная Аполлоновка	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Патриот Земного Шара

Михаил Юрьевич Скрыльников

© Михаил Юрьевич Скрыльников, 2019

ISBN 978-5-4474-5601-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Моё брненное тело, жгущее газ...»

1

Моё брненное тело, жгущее газ
на кухне ночными часами,
живёт исключительно ради вас,
ибо вряд ли вы справитесь сами.

А когда я умру и другому огню
предадут моё брненное тело,
я периоды взрослости вашей сменю
и тогда вы возьмётесь за дело.

И тогда вы поймёте, зачем же я жил
и носил это брненное тело,
как одежду, которую в печку сложил,
потому что от века истлела.

Консерватор-подход: разделение на,
на духовность и брненное тело.
Только Бог в этом смысле такой старина,
что одобрил бы мне это дело.

2

Пусть вам будет легко, остающимся здесь.
Пусть вам будет легче, чем нам.
Пусть вам прошлое не подложит мечь,
Ну а будущее не подложит срам.

Нам не всем удаётся пройти этот путь
без наветов, сплетен и драм.
Пусть вам будущее явит суть
или, может, истинный храм.

Пусть вам будет легко, остающимся здесь.
Нам-то будет уже всё равно.
Я стихами смягчаю вселенскую жесть,
от которой давно темно.

3

Я покидаю этот мир
не с лёгкостью, не с грустью.
Так проповедник покидает клир,
идя к другому устью.

Теперь исток его судьбы
в миру зовётся смертью.
Но опустеют все гробы,
коль Небо станет твердью.

Я покидаю этот мир,
но связан с ним навечно.
Есть лишь один ориентир:
всё то, что человечно.

«Стихи должны писаться по старинке...»

Стихи должны писаться по старинке.
Им не страшны капитализм и рынки.
Они вообще вне времени живут.
Как изречения постигших вечность будд.

Жан Габен

Посвящается Мишель Морган

* * *

Словно французский Биг-Бен
ходит на киноэкране
временем прошлым Габен
с будущим связанный крайне.

Смотрит глазами в зал:
Черными, белыми, серыми.
Словно не всё сказал
лентами этими зрелыми.

Время – киноактёр.
Франция – эталонная.
как древнегреческий хор
с классиками – колоннами.

Любимым кинокомпозиторам

* * *

Без киношной музыки
я – пустой бамбук.
А с киношной музыкой
я – волшебный звук.

Звуки синема арта,
нежно Вас люблю!
Всего Филиппа Сарда
и Жоржа Делерю.

Всего Косма Владимира
и Франсуа Рубэ,
все Вы мне родимые,
всех храню в себе.

Жизнь – она, как ноты:
грустно-весела.
Румба Нино Роты
про то, что Жизнь – смогла!

Эннио Морриконе

* * *

Итальянцы изобрели макароны.
Челентано изобрёл смех.
Киномузыку изобрел Морриконе.
Киномузыка изобрела всех.

«Холмы разбросаны, как шторм девятибальный...»

Холмы разбросаны, как шторм девятибальный.
Травой покрыты, словно пеною морской.
Безлюдные всю зиму, но в купальный
сезон заполненные радостью людской.

Сюда приходят, чтобы удивиться,
тому, что называют словом «даль».
И далью вместе с ветром так напиться,
чтоб позабыть на время всю печаль.

Что думает разумный человек,
глядящий в горизонт необозримый?
Пусть также бы смотрел он на свой век.
В бессмертие смотрел, и смерти мимо.

И этот вечный взгляд на горизонт
есть главный признак бесподобных мест.
Ведь верил в чудо даже Робинзон
сильней, чем в быт и чем в могильный крест.

Конечно, искупаться, загореть
и помидор на дольки разделить, —
здесь тоже можно очень захотеть,
но как духовна горизонта нить!

Тончайшая, словно китовый ус!
Точнейшая вселенская прямая!
Легчайшая – ноль килограммов груз!
Всегдашняя – от мая и до мая.

Смотри на эту линию, мой друг,
И, может быть, меня по ней ты вспомнишь,
когда я стану абсолютный дух,
спешащий человечеству на помощь.

Прибрежная полоса

* * *

Лето жёлтое юга, жгучее, знойно.
Чайки, словно качели, взмывают над пирсом.
Память вроде не «Сапон», но держит спокойно
год, который песочным потоком не смылся.

Я набил свою трубку голландским медовым.
Я отъехал на катере в глубь бирюзы.
А по берегу шли три молочных коровы.
Моя бабушка уронила две серых слезы.

Это было прощание с детством и морем.
Это было исчезновение из прожитых лет.
Это будет не встреча с будущим горем.
Это будет лишь тот, которого нет.

Под водою винтами взбивались белила.
На корме ветерок воровал голоса.
Мы живём, чтоб сказать, что прекрасное – было.
Что оно – как прибрежная полоса.

Удаляясь от нас, или вдруг, приближаясь,
нам даётся возможность прочесть Красоту.
Даже, если судьба, словно катер качаясь,
позабыла про бронь в неизвестном порту.

Сиртаки

* * *

Когда-то мы прыгали в море с вышки.
Играли из чистого интереса в картишки.
Ловили краба среди развалин,
и краб не страдал, оттого что сварен.

И вот ловят нас краболовкой слова.
И попрекают отсутствием крова.
А краб пускал пузыри в кастрюле,
краснея, словно грейпфрут в июле.

То, что стрелки вращаются всё быстрее,
мы чувствуем по спине и шее.
По хрусту всех позвонков скелета,
идущих греться в вечное лето.

Перед глазами стоят колонны
того Херсонеса, который тонны
принял на площадь секунд столетий,
но там всё также беспечны дети.

Пусть Греция нынче идёт к банкротству,
как судно Перикла к пароходству.
Когда мы видим танцующих греков,
мы слабо верим в могущество чеков.

Кто произнёс, что движению точка?!
Любой человек – это та же почка.
Раскрытая радостно над Землёю,
она сигналил кончину бою.

Вспомни, как мы изучали волны,
ныряя под них, как под лошадь волки.
По маске стекала вода, словно слёзы,
мы знали, что море достойней прозы.

О чём жалеть в совершенном мире?
Чьё совершенство не всем по силе.
Взгляну на Небо, поставлю чаю.
Господь, приди, по Тебе скучаю.

Море

* * *

Мурлыкая историю Вселенной,
оно уснуло в бухтах до поры.
Но сменил нежный стиль степенный
на штормовые валуны.

Которые омоют побережье,
как пациента душ Шарко,
и успокоятся как тигры на манеже,
и растворятся словно молоко,

налитое в зелёный чай прилива,
несущего недолговечный штиль.
Вода, как женщина, – волнами прихотлива,
и штиль престрастно унесёт в утиль.

Смотреть на море – значит видеть время,
таинственной, волшебной красоты
глазами вечности, рожденными в Эдеме,
пришедшими с Небесной Высоты.

Этюд

* * *

На пляже, где песка намного боле,
чем в тех часах, что формы буквы «Икс»,
пространство одевает трудоголик
об отдыхе своей идеей фикс.

И пляж пустой, как кистью маляра
просушенная полоса из охры.
Швартуются у пирса катера
и высыпают пассажиров мокрых.

А те спешат опередить светило
и первыми собой согреть песок,
пока их как песку не навалило
на шепоток прибоя и мысок.

Они сюда приехали в надежде
улучшить самочувствие и вид
и даже стать такими как и прежде,
когда ничто ничем не тяготит.

И это получается почти что.
По крайней мере видится им так.
Бежит по волнам радостный мальчишка,
как в прошлое светящийся маяк.

Квас, чебуреки, груши, пиво
народ скупает словно оптовик,
и чайка балансирует лениво
в потоках беспокойно ветровых.

И подбегают пёстрые бикини
поближе, разобравши крик детей:
«Смотрите, кувыркаются дельфины!
Смотрите же, смотрите же скорей!»

Утро дикого пляжа

* * *

Создатель утро дарит нам.
Загаром солнце красит ели.
По набухающим волнам
баклан скользит к скалистой мели.

Придёт курортников орда,
машины выставит заслоном.
От тел их закипит вода
в заливе синем и зеленом.

В гидрокостюме человек
нырнёт с камней с ружьём подводным.
И через час на тот же брег
вернётся бодрым и голодным.

И будет из пакета есть
колбаски мюнхенского вкуса
или какой-нибудь, бог весть,
надрез янтарного арбуза.

Затем на новый цифровик
себя и берег снимет,
И будет рад и сыт мужик,
и камень в воду кинет.

Сегодня с рыбой под водой
он и не пересёкся.
Не сделал выстрел острогой
и вынырнул на солнце.

Поезд на Коми

* * *

Чай. Уголь. Тепло.
Лось в оконном проёме.
Сугробы по сто кило.
Это – поезд на Коми.

В минус сорок мороз
движутся пассажиры.
Драконом летит «паровоз»,
сжигая холодные дыры.

Реликтовый лес кругом.
Деревьям по триста лет.
И день завершается сном,
дающим на всё ответ.

Рождество 2013

* * *

Мир – греховен.
Бог – духовен.
Посылает Бог Христа,
чтобы жизнь была чиста.

От Луки и от Матфея
в бесконечного еврея
верит весь крещённый мир,
в Рождество дающий пир.

Главный Хлеб духовной пищи,
жил Христос как бомж и нищий.
Но для мыслящих Он – Царь,
Храм, Икона и Алтарь.

Веселитесь же сердца,
преисполненные верой
в Небо, в Бога-мудреца
с вечно юной новой Эрой!

«Что за этим следует? Что дальше?..»

Что за этим следует? Что дальше?..
У меня – расстёгнутый висок.
Потому что мой висок постарше,
чем доисторический лесок.

Что же намечается? Не завтра.
Через миллиардов этак 50.
Ждёт людей космическая арка?
О которой письма гласят?

Та, в которую верблюд спокойно входит,
тот библейский, вечный как песок,
что с ослом Христа хороводит
по маршруту Запад и Восток.

Делай в жизни всё, что пожелаешь.
Неужели ты желаешь зла?
Чувствуй, как свеча, что ты сгораешь
ради света, мира и тепла.

В День Рождения Андрея Вознесенского Зимнее видение

* * *

Небо тучи гонит строем,
на Земле – снеговорот.
Ветер воет, ветер стонет,
всё не закрывает рот.

То по старой дряхлой крыше
росомахой пробежит,
то снежинками напишет
на окошке древний шрифт.

Этот домик в Подмосковье
осыпается трухой.
Но с какою же любовью
мы встречаемся с Зимой!

Мы как будто сами в гости
здесь являемся к Зиме,
к сказочной ледовой трости
и к распахнутой суме.

Из которой как подарки
высыпаются деньки:
античёрны, антижарки —
остро-скользкие коньки!

Мы споём про то, как утки
улетели зимовать
и за ужином все шутки
умудрится рассказать.

Небо тучи гонит строем,
на Земле – снеговорот.
Ветер воет, ветер стонет,
всё не закрывает рот...

Выпьем чаю с пирогами
и согреемся душой.
Жизнь идёт меж берегами,
где пролив – как Бог большой.

Бородино XX век или Великая Отечественная Война 41-го года

* * *

1

– Поведай, деда, неслучайно
вы воевали столь отчаянно
в сороковые годы?
Всемирного Земли качания,
глобального непонимания,
душ человеческих одичания,
накала политической породы...

2

Кто мог тогда предполагать,
что будет Гитлер вытворять
со всем Земным пределом?
И ты не думал воевать,
картофель думал убирать,
кормить семью, себя и мать,
занявшись мирным делом.

3

– Да, это так, мне до войны
милей родимой стороны
и не был целый свет.
И я любил поля и лес,
стога соломы, желтый плес,
и к лошадям мой интерес
любовью был согрет.

4

Но вдруг призыв, и ставят в строй
потенциал весь боевой,
но прежде – на учёбу.
Через полгода – лейтенант,
я выхожу на фронт, на танк.
И всю войну подряд вот так
в крови купаю робу.

5

Афган не менее страшён,
но если б кто-то перешёл
Кавказ со Сталинградом...
Он говорил бы что Афган —
учения для партизан,
пускай балуется пацан
с гранатой и снарядом.

6

Да, были страшные минуты,
когда мы стали лилипуты
Коричневого Гулливера.
Он «мессерами» нас месил,
он «тиграми» нас всех давил,
он пушкой «Дорой» нас бомбил...
Но не сломилась вера.

7

И тот, кто выжил в этот ад,
тот стал бессмертнейший солдат.
И что ему усталость?
Он немцев гнал как поросят,
пускай на дойче голосят,
пусть раны гирями висят.
Вся испарилась жалость.

8

Пускай всё было уж давно.
Есть документы. Есть кино.
Не глупая Европа.
Но как покажешь то, что мы
седели ровно три зимы,
на дне лежали как сомы,
зарывшись в ил окопа?

9

Но самый страшный личный бой
был рукопашный, он со мной
до этих лет в ноге идет,
хромает пулею, раненьем...
С таким дрались остервененьем,
что стыдно петь стихотвореньем
смертельный ужас тот!

10

Представь, что зубы словно нож,
и ты противника берешь
за горло, как собака.
Всё потому что выпал штык,
и ты грызёшь ему кадык,
ведь надо выжить – это пик.
Вот, что такое драка.

11

Потом, прорвавшись через строй
с его кровавою слюной,
уходишь, что есть мочи.
Но слышишь выстрел издали
и падаешь как журавли,
как падал бы их целый клин,
сорвавшись с неба в очи.

12

А дальше госпиталь и ждать,
контузию освобождать
из собственного тела.
И только письма от родных,
с которыми и звук утих
нешуточных войны шутих,
и жизнь опять поспела.

13

И снова отдых, снова дым,
и всё же был я молодым
в огне дурных пожаров.
И кашу с салом сладко ел,
и спиртом сердце часто грел,
и не пойму, как уцелел,
и стал сегодня старым.

14

И у меня был командир,
отец солдатам и кумир
военного народа.
Он нас любил и в бой водил,
и немцев за нос обводил,
и не поверишь, находил
в огне – подобье брода!

15

Но что тебе даст мой рассказ?
Вам наплевать на всё сейчас...
Ни правды нет, ни власти.
И каждый тащит миллиард,
себе готовя новый старт,
чтобы урвать пока не стар
оставшиеся части...

16

Да, люди были мы другие
в могучие сороковые...
На всё есть воля Бога.
А вы живите, как хотите,
самих себя не обманите
и человека сохраните
в себе, хотя б немного...

Фиолент

* * *

Если бы жил в Крыму
художник Ван Гог Винсент,
с трубкой во рту, в дыму,
он бы писал Фиолент.

Не как Айвазовский, Шишкин.
Не как Коровин, Грабарь.
Он краски ложил бы лишней
щедро на холст-алтарь.

И были бы скалы наши,
словно пейзажи в Арле.
Всех красочнее и краше,
и скал остальных – шикарней!

День Космонавтики

* * *

Земля вращается лишь в сторону добра.
Кто не попал в её вращенье,
тот не постигнет тайнопись пера
и не сочтёт за чудо угощенье.

Земля вращается лишь в сторону добра.
Кто ей попутчик, тем она открыта.
Здесь не игра – Вселенная мудра:
добро не забывает, что забыто.

Земля вращается лишь в сторону добра.
Кто с этим спорит, тот потратит время.
Поторопитесь, ждут седло и стремя,
и шепчет Бог: «Любимые, пора!»

«Море тёмно-зелёное. Ветерок. Волнение...»

Море тёмно-зелёное. Ветерок. Волнение.
Вдали, словно ракушки, белые паруса.
На солнце перегревается фридайверское снаряжение.
Купальщиков и купальщиц – раздетые голоса.

Такое всё херсонесское, близкое и знакомое!
В этот раз погружения не дали и черепка.
Мутно у дна, у поверхности, море как то искомое
в задаче и уравнении, как след на доске мелка.

Кутаемся полотенцами, спасаем от сгара тело.
Болеем айфонотомией, снимаем весь день подряд.
Смотрим, как мощная чайка неподалёку села.
И на часы и на небо – попеременный взгляд.

Такое всё свеже-точное, такое всё ароматное!
Этим морским здоровеньким дышал, бы дышал, дышал.
Но где-то в башке мешается движение вспять обратное,
и день, горизонтом меченный, как стайер свет пробежал.

Оставив воспоминания, зелёные впечатления,
оставив в невечной памяти иллюзию бытия.
Такую же непостоянную, как море, его волнения,
такую же постоянную, как городской тротуар.

«В кафе подают шоколадную лаву...»

В кафе подают шоколадную лаву,
лимонный фреш и банановый шейк.
Мы жмём на айфоне плоскую клавишу,
ища в информации суть вещей.

Но сбит самолёт, и гибель десанта
транслируется в новостях.
Кому-то больно, кому-то досадно,
а кто-то пляшет на их костях.

Такая странная жизнь человечества:
ни диалога, ни веры, любви.
Только убийства, только увечества,
только триумфы на свежей крови.

Памятник Затопленным Кораблям

* * *

Как телескоп в миры иные,
в историю сквозь толщу лет
орел глазами неземными
глядит, венчая постамент.
Как одинокий эполет.

Севастополь и Сатурн

* * *

Я в телескоп Сатурн увидел.
Впервые в жизни. Потрясён.
На фоне волн морских и мидий
Сатурн мой выглядел как сон.

Шли люди мимо телескопа,
не зная где он есть Сатурн.
Родной мой город Севастополь
был весел, ярк, шумен, бурн.

На набережной жизнь искрилась:
огнями, звуками музык.
И Небо нам дарило милость
стихами украшать язык.

От причала до причала

* * *

От причала до причала
ходит катер.
Море словно одеяло
или скатерть.

Потому что драпировка —
это волны.
Где Артбухта – остановка,
катер полный.

Равелин по вечерам
будто крейсер.
Раздаётся тут и там
много песен.

Я пройду
и подышу
чистейшим морем.
Здравствуй, грусть!
я не спешу
к веселью кролем.

От причала до причала
ходит катер.
геометрии начала —
чертит катет.

По обоим по бортам
ползут медузы —
как прокладка к берегам
гипотенузы.

Чайка зрит на всех людей
в жажде пищи.
И спускается к воде
рыбный хищник.

Продают рахат-лукум
и с инжиром.
А у пушки вызван шум
канониром.

На Хрусталке есть моржи

и зимою.
Кто над пропастью во ржи,
кто – с сумою.

В дельфинарии – дельфин
и тюлени.
У собора исполин,
звали Ленин.

Кто на роликах, а кто —
на скейтборде.
Это брызги и каток
в центре города.

Рисовал и я маяк
прямо с мола.
Это был хороший знак,
также школа.

От причала до причала
Ходит катер.
В Жизни будет всё сначала,
Жизни хватит.

«Крупницы счастья...»

Крупницы счастья
сложи в копилку.
Нижи как жемчуг
на жизни нитку.
И ожерелье,
когда взгрустнётся,
носи на шее
первопроходца.

Севастополь – мой материк

* * *

Я путешествую по городу, мой друг.
Мне нравится сей бесконечный круг.
От детских лет до зрелых лет
я города есть преданный поэт.

Я топику троллейбус предпочту.
С него я вижу эту красоту.
А топики на скорости бегут,
и не видать ни город, ни маршрут.

Вот Графская, словно матросы в ряд,
одетые в парадное, стоят.
Ждут поворот Нахимова в строю.
Застыли: он, они, и я – стою.

Вот море там синее вдалеке.
И Солнце скоро будет на замке.
Окрасив желто-розовым маяк,
оно уснет на время, как моряк.

Колонны вот: и театра, и дворца.
Музей Крошицкого, обитель для творца.
Вот спуск в Артбухту, столь любимый мной.
Он радует меня, как летний зной.

А вот «Победа», детский храм Кино,
хоть вырос, поклоняюсь всё равно.
И прибегу я с радостью зимой
в «Матросский клуб», согреться сценою самой.

Немногим поделился я здесь пусть.
Вы знаете весь город наизусть.
Но краткое признание в любви
моё для города, читатель, оцени!

Я путешествую по городу, мой друг.
Мне нравится сей бесконечный круг.
От юных лет до зрелых лет
я города есть преданный поэт.

«Вы так красиво и воздушно...»

Вы так красиво и воздушно
шли по весеннему асфальту.
Не мог смотреть я равнодушно
и от любви исполнил сальто.

И, приземлившись на колени
у ваших ног с букетом роз,
я произнёс: «Вы – чистый гений!
И я люблю Вас!» – произнёс.

А Вы смотрели удивлённо
на чувств моих цветной салют.
И рассмеялись: «Я не склонна
влюбляться здесь и прямо тут!»

Тогда я понял, что мы с Вами
есть пара лучшая навек.
И сердце вызвало цунами
и растопило зимний снег.

«В морпорту суда стоят...»

В морпорту суда стоят
пассажирские.
Впечатления хранят
заграничные.
Берега жёлтые,
алжирские.
Небеса Марокко
земляничные.

Памятник Екатерине II

* * *

Во времена Екатерины,
далёкие, как звёзды в небесах,
или – как шпага дворянина,
Россия к морю сделала свой шаг.

Тогда сражались турки с Ушаковым,
(спустя два века флотоводец стал святой)
и в мире русском, черноморском, новом
пусть ненадолго наступил покой.

На Набережной

* * *

Пальцы мёрзнут и прячутся в перчатки.
У трапа ёрзают и суетятся чайки.
На набережной – малыши и мамы.
Чайки падают в воздушные ямы.
Им крошат кирпичи и батоны.
Они кричат, на лету ловят ртом их.
Небо – словно серая штора.
Это осень, и зима – скоро.

Шторм ночью

* * *

Когда на море шторм
и волнам тесно в бухте,
и горизонт так черн,
как руки бога в муфте,

ты смотришь, как на брег
излиться море жаждет,
твой убыстряя бег
с волной и брызгой каждой.

Не видно ни звезды,
лишь фонари готичны,
и пенные скирды
ритмично динамичны.

Шторм – маска-хэллоуин,
но морю не до шуток:
холмами из равнин
оно вздыбилось круто.

И шум – как будто чрево
огромного кита
проглатывает древо
до мелкого листа.

И на секунду страшно
от силищи стихий.
Но море ведь не чашка,
и выльется – в стихи.

Собор

* * *

Стоит собор. Он возрождён.
Забвение, небытие, —
как страшный вспоминает сон
и продолжает житие.

Графская пристань

* * *

Два льва. Колонны. И ступени.
Открытка благородства из веков.
Дошедшая по почте поколений.
По почте исторических витков.

Севастопольский Аквариум

* * *

Рад был бы жюльверновский Аронакс
оказаться в «Аквариуме» у нас.
Всего-то спуститься несколько ступенек вниз:
и – весь «Наутилус», вся подводная жизнь.

Когда Аронакс заведовал профессурой во Франции,
таких «Аквариумов» не было на Свете.
А сейчас – любые школьники «с ранцами»
Могут видеть исследования эти.

За толстыми, словно 3D, стёклами,
забыв все штормовые беды,
машут плавниками, как мётлами, —
звездочёты, драконы и логгерхеды.

И экстра яркие юркие рыбки,
как будто грим смыли в воду клоуны,
такой раскраски и такой палитры,
словно и впрямь они – нарисованы.

Черноплавничная акула
испускает электрочаряд скорости.
Морда её смертельней, чем дуло
пушки в столетнем возрасте.

Беспозвоночные и позвоночные.
Флора и фауна всех океанов.
Биологические и точные
кадры нефантастических кинороманов.

Кадр – крокодилы, кадр – черепахи,
Кадр – бамбуковые акулята.
Перед акулами все ваши страхи
уйдут на время экскурсий, ребята.

Спинороги, мурены, коты.
Арапаимы из Амазонки.
Обитатели пресной, солёной воды.
Живущие глубоко, и – у кромки.

Самые длинные в мире,
и – самые – маленькие и редкие.
Отдыхают в акваквартире,

и – главное, – наблюдаются детками.

Есть американский голубой краб,
и – экземпляр самой крупной из жаб,
и – очень известная рыба ставрида,
и – неизвестная рыба смарида.

И жёлто-белый, как в разрезе лимон,
тигровый альбинос-питон.
И промысловая рыба луфарь,
и очень вкусная рыба кефаль.

И петухи, осетры, скорпены,
лисицы, караси, калкан.
Сколько диковин хранят эти стены!
Пятиэтажный стакан!

И барабулю, султанку песка,
и индийские редкости,
и танцевальный каскад —
кружение рыб к поверхности.

И зебрасома, желтеющий парус
цвета налившейся алычи,
глазом, похожим на черный стеклярус
ищет свои калачи.

Креветки, актинии, моллюски, ежи, —
природа поражает своими формами.
И каждым цветом своим дорожит,
и всеми оттенками моря Черного.

Я восторгаюсь зданием этим.
Его коллекцией планетарных див.
Сколько экзотики любознательным детям!
Сколько науки для взрослых нив!

Театр им. Луначарского

* * *

Роскошный дворец из эпохи Мольера.
Балконы и ложи, фойе, бельэтаж.
Шикарно убранство его интерьера.
Тебе, Луначарский, пою я оммаж!

Сюда приходил я ребёнком на сказки.
Потом на серьёзные вещи ходил.
И все твои радости, все твои краски
в себе с теплотою надолго хранил.

Мечтая вернуться в свой город из странствий,
я знал, что приду в этот царственный зал.
Ты – словно застывшая вечность в пространстве
сценических игр, актёрских зеркал!

Слизни сталинизма

* * *

Повыползали слизни сталинизма.
Им свежей кровушки отведать захотелось.
Архипелага мало им, и мало им фашизма.
О, как смела их псевдо теле смелость!

Они не знают гибели Михоэлса
и кем был Джугашвили до того.
Они живут лишь тем, что ниже пояса,
и держат всех себя за одного.

Они истории страны своей профаны,
талдыча, что она была с сохой,
и ими не прочитаны романы:
ни Пушкин не освоен, ни Толстой.

И двести лет свободной русской мысли
не может обобщить их тощий мозг.
По всей России высунулись слизни.
Рисуй их мерзость с того света, Босх!

Им померещился триумф их двух извилин,
их зона видится им центром мироздания.
Был мелкий гангстер Коба Джугашвили,
на пролетарское взобравшийся незнание.

Херсонес

* * *

Древнее место. Настолько, что даже
не различишь его в дальнем пейзаже.
Ближе подходишь – развалины, стены
доходят порою едва до колена.

Воображаешь дома, алтари.
Здесь проживали рабы и цари.
Там виноград давили ногами,
рыбу хранили в каменной яме.

Пристань. Суда возвращались с торговли.
Или в моря уходили для ловли.
Мозаики, амфоры, арки, колонны,
видимо, к вечности более склонны,

нежели к времени тех или этих.
Вечность расставила прочные сети,
чтобы сказать о себе всем пленённым:
мозаики, амфоры, арки, колонны!

Море, наверно, такого же цвета
каким оно было для Древнего Света.
Помнит, как взгляд устремлял человек,
звали которого римляне «грек»,

на побережье и горизонт.
Здравствуй, Эвксинский таинственный Понт!
Щедрым кормильцем считал тебя эллин.
Рыбы на блюде запечатлел он.

На керамическом блюде для трапез.
Ямб и хорей, амфибрахий, анапест...

P.S.

Лишь представлять одно неохота.
Как по руинам античного града
в веке двадцатом фашистов пехота
вдруг возникала, как обморок ада,

или – истории, будет точнее.
Снова колонны вышли прочнее...

Шторм сентябрьским днём в песчаной бухте

* * *

Волны бегут как ткани
на фабрике из станков.
На берег бросая камни,
вымытые из песков.

И накрывают пирсы
бежевой белизной.
Волны бегут как вирши
осенью и весной.

Стихи приходят как жажда,
или – как вдох красоты.
Волны бегут отважно —
от бездны до пустоты.

Электронный поэт

* * *

Я – первый электронный поэт.
Пишу на айфон сразу:
посвящение или сонет,
или – крылатую фразу!

Памятник матросу Кошке

* * *

Сей матрос прославлен боле,
чем иные адмиралы.
О его серьёзной роли
сняты телесериалы.

Дождь на море

* * *

Когда на море дождь,
то шутит небосвод.
Воды вбивая гвоздь
в поверхность гладких вод.

Бывшим кинотеатрам Севастополя посвящается

* * *

Народ кино предпочитает в интернете.
А я грущу при виде кинозданий,
которые, как брошенные дети,
разрушены отсутствием вниманий.

Не встанет больше очередь у кассы,
не соберутся люди на премьеру.
Утратили изрядно киномассы
в кино свою незыблемую веру.

Матросский Клуб

* * *

Среди лесов архитектурных,
украшен коими наш град,
стоит как будто на котурнах
Матросский Театральный club.

Со шпилем, словно мачта яхты,
он в океане пьес и драм
несёт сценические вахты,
Матросский Театральный храм.

Под ним есть море бухты Южной,
в которой будто вечный штиль.
Хранит достойно очень нужный —
Матросский Театральный стиль.

В нём бьются волны всех эмоций
на берег зрительской мечты —
матросских театральных лоций —
Любви, Надежды, Красоты.

Памятник Ушакову

* * *

Человек державинского века.
Человек суворовских времён.
Главная фигура кварталдека,
Защищавшая новейший бастион.

Пастернак. Переделкино

* * *

Пастозным звуком виолончель
соединяет три пространства,
три времени в одну метель
в окошке пастернаковского графства.

Как жаль, не виден музыкант
в проём двери. Я – слушатель, не зритель.
Но мне, зато, видна его рука,
смычок и гриф, в цвет инструмента свитер.

Виолончельный рост у человека,
и кисть крупна под стать смычковой кисти,
сближающая звуком оба века,
взывающая звуком к этой мысли.

Не ведая о том, быть может, сам,
лишь думая о точном исполненьи,
как он послушен здешним небесам
в муз добровольном Пастернаку поклоненьи.

И публика, вкушая щедрый звук,
прослушав «Гамлета» в прочтении Андрея,
хлопками рук, лишь двух десятков рук
благодарит виолончель и чародея.

Я так и не взглянул в его лицо,
то разговаривал потом, то одевался.
Он отыграл и вышел на крыльцо,
лишь силуэт всё дальше удалялся.

Я видел музыку, не увидав лица,
того, кто эту музыку представил,
загадочны всегда дела Творца
и не раскрыты своды его правил.

Пастозный звук виолончели!
Густой мазок Коровина, Ван Гога.
Нет, за окошком не было метели!
Я в стих посыпал снегом, так, немного.

«Мы были музыкой во льду».
Мы – миновали ту беду.
Уже не лёд, а талый снег,

но таянью конца всё нет.

Пастозный звук виолончели.
То скрип темниц, то пенье птиц.
Раскачиваются качели.
Пастозный звук виолончели.

Как, Боже, этот звук классичен,
Как музыкант сейчас отличен!

Виолончель, как холст Пикассо,
косяк двери разъял на части,
и звук поэта доискался:
здесь – неразъемлемое счастье.

«Мне нравится, что снег идёт...»

Мне нравится, что снег идёт.
Ни от чего он не спасает.
Но он единственный не врёт.
И белым беды замечает.

Хотя, от грязного пейзажа,
от засухи и от беззимья, —
спасает, словно неба стража,
которой многое посильно.

«Ах, какой был день вчера! Какой был день!...»

Ах, какой был день вчера! Какой был день!
По обледенелому,
скользкому, как будто тень,
шли мы тротуару белому!

Покупали чай зелёный и перчатки
на морозе улиц нулевом.
Выбирали расстегай и шоколадки,
и входили в разогретый дом!

А потом неслись на электричку
на маршрутке пару остановок.
Сели, да не в ту! Но всё отлично!
Вышли, и в другую сели снова.

Ах, какой был день вчера! Какой был день!
Радовались и лепили бабу.
Снежную, и было нам не лень
повторять годичную забаву!

Бабе я придумал смайлик, нос,
брови и глаза из черных веток.
В голову воткнул копну волос
хворостинок тоненьких букетом!

Ей же повязал и поясок
из остатков плёнки ближней стройки.
Даже ботиков ей «изваял» носок,
плечиков добавил снежной кройки!

И пускай смотрела на меня
по-японски – брови две прямые —
Галатея предкрещенская моя,
чьи уста от холода не выли,

Ощущал её я россиянкой
эту бабу зимнего модерна,
слеplенную охлаждённой «манкой»,
и не ждавшую слеplения, наверно!

Да, растает и исчезнет вдруг
от тепла или дурацких рук,
но сегодня радовала нас
эта баба в профиль и анфас!

Что же этим серым зимним днём
так раскрыло радость наших душ?
Думаю, лишь то, что мы живём,
пережить мечтая тыщи стуж.

Ах, какой был день вчера! Какой был день!
Неповторный, но всегда желанный!
Возвращайся, словно северный олень,
Санта-Клауса везущий изваянье!

Ах, какой был день вчера! Какой был день!
ЖКХ его нам не испортил.
Не отбросил тягостную тень,
словно Гоголя взлетевший в небо чёртик.

«Я любил сливаться с ландшафтом...»

Я любил сливаться с ландшафтом.
Но не с общей массой на нём.
Разработана личная шахта.
Златорудным сверкает огнём.

Вы ж пишете про Сталина с Лениным,
если это так нравится вам.
Громоздите тупые поэмины,
множьте ваш поэтический хлам.

Вы, наверно, чего-то не поняли
в вашей жизни, дремучей навек.
Может, доброй буддистской Японии,
может, белый рождественский снег.

Рождество 2014

* * *

Через невероятное усилие,
в стране, где идёт война,
поверить в рождественское изобилие.
Поверить, что радуется страна.

Может, это и есть христианство.
Может, это и есть волшебство.
Если уменьшится боли пространство,
хоть на неделю, хоть в Рождество.

Омега Жизни

* * *

Хотя штормит порой Омега,
но бухта, в основном, чиста.
И для купания и бега —
она – прекрасные места!

С утра приходим мы в Омегу
и рады целый день нырять,
и отвергая лень и негу,
кричим: «Достаточно нам спать!»

В обед уж нет того задора,
мы отдыхаем на песке.
И солнцу, жгущему весь город,
предпочитаем быть в теньке.

Живёт и вечером Омега,
народу сутками полно.
Он сыпется на оба берега,
как ярко-жёлтое зерно.

«Есть бухта особого для меня значения...»

Есть бухта особого для меня значения.
Я в ней научился плавать.
Она мелководна, в ней нет течения,
уютная тихая гавань.

Песочное дно
и водоросли – зелено-бурого цвета,
и лето, когда открывает окно,
теплом наполняет это.

Среди этих водорослей ныряльщик
выискивал крабов-травях,
на поверхности демонстрируя пальчик,
распухший как сытый хомяк.

Пацаны на причале торчали,
забросив свои краболовки,
«Океан» -приёмник включали,
и качались лёгкие лодки.

На выданных в прокат велосипедах,
катались курортники парами,
и шли с физкультуры в кедах
школьники, сдавшие плавание.

Включали кассетник пляжники.
Из него вырывался Высоцкий.
И в небе летали мячики
волейбольной игры, высокой.

А на вертолётной площадке
визжали винты машин.
И, глядя на их посадки,
хотел быть точно таким.

Одним из тех вертолётчиков,
что взлетали над бухтой.
Я жил на улице Лётчиков,
морской надышавшийся кухней.

Готовить бабушка любила
кальмаров, жареных с луком.
Мы были все – рыбофилы,
в том числе, я с другом.

Камбалы, ерши, ставриды, —
растили нас, как молоко.
Мы – дети Южной Тавриды,
смотрящие далеко.

Есть бухта особого для меня значения.
Она зовётся Омега.
Я начал все свои приключения
с этого берега.

P.S.

Сейчас там гоняют серфинги.
Сейчас там различные сервисы.
Сейчас там грязней, чем было.
Но море меня не забыло.

Памятник Сенявину

* * *

Сенявин в карцере сидел
за ругань Ушакова.
Но сделал много славных дел,
и был возвышен снова.

Судьба Сенявина сложна.
Весьма неоднозначна.
Но для истории важна
и очень даже взрачна.

Он то взлетал, то вновь впадал
в немилость у царей.
Но был опальный адмирал
народу – их милей.

И не был ровен его путь,
он шёл как виражи.
А жизни якорная суть —
лишь родине служи.

Стоит в истории металл —
ему и декабристам.
А он для них судьёю стал
в эпоху пушкинистов.

О подвигах его прочти
в Брокгауза томах.
А прегрешения прости —
всяк сущий будет прах.

Довоенная Аполлоновка

* * *

Селение рыбаков. Стоянка яликов.
Рыбак выбирается в море на
промысел свежей, что станет вяленой,
с новым уловом тебя, старина.
На берегу на хозяйстве жена,
ветхенький домик, почти развалина,
и акведука в проёмах стена.
Ещё абрикосы, орех, виноград,
и пёсик встречающий, лаять так рад!
И кошки, схватившие рыбы хвосты,
уносят их быстро в густые кусты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.